

межнациональных отношений. Он может стать основой для укрепления советского патриотизма, как национального, так и общегосударственного. Задача общества состоит в том, чтобы не допускать неблагоприятных социальных ситуаций, способных порождать гиперболизацию национального самосознания и разобщать народы. Изучение способов предотвращения таких ситуаций, а также идеологических факторов и психологических механизмов формирования национального и общесоветского сознания людей, направление их в сторону позитивного межнационального взаимодействия — задача предстоящих исследований.

Н. Г. Волкова

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ: СОДЕРЖАНИЕ ПОНЯТИЯ

Интерес к этнической истории (ЭИ) народов мира всегда был характерен для отечественной этнографической науки, хотя в историографии проблемы явственно прослеживаются периоды, когда интенсивность ее изучения несколько снижалась. После последнего по времени спада интереса к вопросам ЭИ, наблюдавшегося во второй половине 1960-х годов, мы вновь стали свидетелями возросшего внимания специалистов к данной проблеме. Импульсом для этого послужила разработка общей теории этноса, поднявшей на новый качественный уровень изучение различных аспектов этнографической науки. Оживлению этноисторических исследований в немалой степени способствовали и дальнейшее накопление обширной научной информации по соответствующим разделам региональной и общей этнографии, а также успехи, достигнутые в последние годы смежными дисциплинами — археологией, этнолингвистикой, этнической ономастикой, этнопсихологией и др.

Безусловно, есть все основания полагать, что интенсивность изучения ЭИ народов мира в дальнейшем еще более возрастет, и это, несомненно, следует рассматривать как положительное явление. Приводить какую-либо аргументацию в пользу этого вряд ли имеет смысл, ибо актуальность и научная значимость изучения этой проблемы очевидна. Однако хочется указать на еще одно немаловажное обстоятельство, делающее интенсификацию работ по ЭИ весьма желательной. В современном мире повсеместно наблюдается рост этнического самосознания, сопровождающийся повышением интереса к историческому прошлому своего народа, к его этнографии, этноспецифическим реалиям быта. Для представителя современного урбанизированного общества стало духовной потребностью найти корни своего этнического существования, познать многообразные процессы, приведшие к формированию той этнокультурной среды, сквозь призму которой он воспринимает окружающий мир. Именно вследствие этого вопросы этногенеза и ЭИ вызывают неизменный интерес у самых широких слоев общественности. Этнографы не вправе не заметить этого интереса и обязаны ответить на него более углубленным и планомерным изучением ЭИ народов мира.

Однако исследования ЭИ в этом направлении в значительной мере тормозятся рядом объективных причин. Важнейшие из них, на мой взгляд, следующие: 1) отсутствие общепринятой дефиниции «этническая история»; 2) связанное с этим нечеткое представление о границах предметной области ЭИ, о комплексе входящих в нее вопросов; 3) неразработанность основ для периодизации ЭИ; 4) неразработанность источниковой базы этноисторических исследований и 5) неразработанность методических приемов для совмещения и корреляции разных видов источников. Совершенно очевидно, что первоочередной задачей специалистов по ЭИ является устранение этих причин, т. е. решение перечис-

ленных общих вопросов. Это поможет сконцентрировать исследовательский поиск, подчинить его четко сформулированным программам, не «утонуть» в обилии материала.

Цель настоящей статьи — обратить внимание специалистов на некоторые из основных задач изучения ЭИ: Объем статьи позволяет рассмотреть лишь одну группу вопросов: понятие ЭИ, ее предметная область и периодизация. В дальнейшем автор надеется проанализировать вторую группу вопросов, имеющих методико-источниковедческий характер.

Интерес к ЭИ в отечественной историографии зародился давно. И хотя историко-этнографическая литература XVIII — первой половины XIX в. была еще достаточно далека от подлинно научного осмысления проблемы, в ряде работ были высказаны оригинальные идеи. Некоторые из них стали общепризнанными и в современной исторической науке. Сошлюсь лишь на один, однако достаточно яркий, на мой взгляд, пример. Идея Я. Потоцкого (1802 г.) об этногенетической связи осетин с аланами, более подробно обоснованная Ю. Клапротом (1812—1814 гг.), в настоящее время ни у кого не вызывает сомнения.

Примерно с середины XIX в. наблюдается общий подъем отечественной исторической науки, благотворно сказавшийся и на изучении интересующей нас проблемы. Особенно значительные успехи были достигнуты в 1930-е годы, когда исследованием этой проблемы занялись не только историки, но и этнографы, археологи, антропологи, лингвисты. В этот период существенно возрос объем конкретных материалов, был сформулирован также ряд общих положений¹, сыгравших важную роль в разработке вопросов этногенеза и ЭИ. Новый подход к ЭИ как к особой исследовательской проблеме отмечен с конца 1930-х годов, когда в научном обиходе появился самый термин «этническая история».

Насколько мне известно, этот термин впервые употребил А. М. Золотарев в статье «Из истории этнических взаимоотношений на северо-востоке Азии» (1938 г.)². Впоследствии он повторил его в своем докладе на совещании по этногенезу народов Сибири (Москва, 1940 г.), в котором приняли участие крупные советские ученые, внесшие позднее большой вклад в исследование проблемы, — С. А. Токарев, Н. И. Чебоксаров, Г. Ф. Дебец, А. П. Окладников, Т. А. Трофимова, В. Н. Чернецов, Г. Н. Прокофьев и др. «Передвижения народов и их отдельных групп, — отметил А. М. Золотарев, — сыграли существенную роль в *этнической истории* (курсив мой. — Н. В.) Сибири»³. Новый термин первое время оставался как будто незамеченным специалистами⁴. Лишь с начала 1950-х годов он постепенно входит в широкий научный оборот⁵ и все чаще появляется на страницах специальных работ, причем не только этнографических, но и археологических, лингвистических, исторических. Несомненно, это было связано с наблюдавшимся в те годы усилением исследований по ЭИ, что в свою очередь вызывало настоятельную необходимость в упорядочении понятийно-терминологического аппарата проблемы.

Однако складывалась парадоксальная ситуация. За термином, который, казалось бы, показал свою плодотворность и операциональность, не стояло четкой дефиниции, его границы трактовались произвольно, в зависимости от взглядов того или иного исследователя на изучаемую

¹ Подробнее см. *Королюк В. Д.* К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев, — В сб.: Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. Методология и историография. М.: Наука, 1976, с. 7.

² Изв. Воронежского педагогического ин-та. Т. IV. 1938, с. 83.

³ См. Краткие сообщения Ин-та истории материальной культуры (далее — КСИИМК). IX. М.-Л., 1941, гл. VI — Информации, с. 132.

⁴ Едва ли не единственный пример употребления этого термина в исторической литературе 1940-х годов можно встретить в статье М. И. Артамонова «К вопросу об этногенезе в советской археологии» (КСИИМК. XXIX. М.-Л., 1949, с. 18).

⁵ См., например, *Токарев С. А., Чебоксаров Н. Н.* Методология этногенетических исследований на материале этнографии в свете работ И. В. Сталина по вопросам языкознания. — Сов. этнография (далее — СЭ), 1951, № 4, с. 19.

проблему, вследствие чего содержание термина «этническая история» становилось крайне расплывчатым. К чему приводила подобная нечеткость, можно проследить по этнографическим работам 1950—1980-х годов. Так, в 1950-х годах в трудах по ЭИ в разных сочетаниях исследовались следующие вопросы: этнонимы, этнические территории, характер расселения этносов, этнографических и локальных групп, их численность, миграции, этнический состав населения изучаемых регионов, этнокультурные контакты, историко-этнографические области, этногенетические процессы⁶. Некоторые авторы в область исследования ЭИ включали также характеристику различных компонентов традиционной культуры: жилища, одежды, транспорта и др.⁷

В 1960-х годах к ЭИ специалисты относили этнонимии, этнические территории, расселение этнических общностей, миграции, этнический состав населения изучаемых регионов, этнические процессы⁸.

В трудах по ЭИ, опубликованных в 1970-х годах, рассматривались следующие вопросы: этнонимы, этнические территории, особенности расселения этносов, этнографических и локальных групп, их численность, этнический и родо-племенной состав изучаемых регионов, миграции, этнические процессы, этнокультурные связи, вопросы формирования народностей как типа этнической общности⁹. В ряде работ содержание

⁶ Отмечу, что здесь и далее в качестве примеров приводятся те работы из обширного перечня трудов по ЭИ, в которых ее изучение декларируется либо названием, либо текстовым указанием автора, либо названием того сборника, в который включена данная работа. См., например: *Гурвич И. С.* К вопросу об этнической принадлежности населения северо-запада Якутской АССР.— СЭ, 1950, № 4; *Жданко Т. А.* Очерки исторической этнографии каракалпаков. Родо-племенная структура и расселение в XIX — начале XX в. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950; *Толстов С. П.* Огузы, печенеги, море Даукара (Заметки по исторической этнонимике Восточного Приаралья).— СЭ, 1950, № 4; *Долгих Б. О.* Расселение народов Сибири в XVII веке.— СЭ, 1952, № 3; *Лавров Л. И.* Абазины (Историко-этнографический очерк). — Кавказский этнографический сборник. I. М.: Изд-во АН СССР, 1955; *его же.* Происхождение кабардинцев и заселение ими нынешней территории.— СЭ, 1956, № 1; *Марков Г. Е.* Из этнической истории туркменского народа. — Краткие сообщения Ин-та этнографии АН СССР (далее — КСИЭ), 1958, в. 29; *Кушнер (Кнышев) П. И.* Этнические территории и этнические границы. М.: Изд-во АН СССР, 1951; *Лашук Л. П.* Очерк этнической истории Печорского края. Сыктывкар: Коми кн. изд-во, 1958; *Андрианов Б. В.* Этническая территория каракалпаков в Северном Хорезме (XVIII — XIX вв.). — Тр. Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. М., 1958; *Меликишвили Г. А.* К истории древней Грузии. Тбилиси: Изд-во АН ГССР, 1959; *Анчабадзе З. В.* Из истории средневековой Абхазии (VI—XVI вв.). Сухуми: Абхазск. гос. изд-во, 1959; Вопросы этнической истории народов Прибалтики. По данным археологии, этнографии и антропологии. М.: Изд-во АН СССР, 1959.

⁷ См., например, Вопросы этнической истории народов Прибалтики; Вопросы этнической истории эстонского народа. Таллин, 1956.

⁸ См., например: *Долгих Б. О.* Родовой и племенной состав народов Сибири в XVII в. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Козлов В. И.* Расселение мордвы (исторический очерк). — Тр. Ин-та этнографии АН СССР (далее — ТИЭ). Т. 63. 1960; Вопросы этнической истории мордовского народа. М.: Изд-во АН СССР, 1960; *Арутюнов С. А.* Этническая история Японии на рубеже нашей эры. — ТИЭ. Т. 73. 1961; *Вильчевский О. Л.* Курды. Введение в этническую историю. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1961; *Бутинов Н. А.* Происхождение и этнический состав коренного населения Новой Гвинеи. — ТИЭ. Т. 80. 1962; *Анчабадзе З. В.* История и культура древней Абхазии. М.: Наука, 1964; *Гурвич И. С.* Этническая история северо-востока Сибири. М.: Наука, 1966; *Лавров Л. И.* Карачай и Балкария до 30-х годов XIX в. — Кавказский этнографич. сборник. IV. М.: Наука, 1969; *Потапов Л. П.* Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969.

⁹ См., например: *Абрамзон С. М.* Киргизы и их этногенетические и историко-культурные связи. Л.: Наука, 1971; *Калоев Б. А.* Осетины. М.: Наука, 1971; *Файнберг Л. А.* Очерки этнической истории зарубежного Севера (Аляска, Канадская Арктика, Лабрадор, Гренландия). М.: Наука, 1971; *Итс Р. Ф.* Этническая история юга Восточной Азии. Л.: Наука, 1972; *Еремеев Д. Е.* Этногенез турок. М.: Наука, 1971; Этническая история народов Азии. М.: Наука, 1972; *Вдовин И. С.* Очерки этнической истории коряков. Л.: Наука, 1973; *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — начале XX века. М.: Наука, 1974; *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974; Этногенез и этническая история народов Севера. М.: Наука, 1975; *Шаниязов К. Ш.* К этнической истории узбекского народа. Ташкент, 1974; *Рикман Э. А.* Этническая история населения Поднестровья и прилегающего Подунавья в первых веках нашей эры. М.: Наука, 1975; *Анчабадзе З. В.* Очерки этнической истории абхазского народа. Сухуми: Алашара, 1976; Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев. М.: Наука, 1976; *Кармышева Б. Х.* Очерки этнической истории южных районов Таджикистана и Узбе-

понятия ЭИ еще более расширилось. В него включали вопросы социальной истории и возникновения государства¹⁰, материальную культуру, современные обряды, межнациональные браки, народные верования и т. п.¹¹

В этнографической литературе 1980-х годов круг изучаемых в связи с ЭИ вопросов в основном повторял названные выше. Это этнонимы, расселение и численность этносов и их подразделений, этнические территории, миграционные и этнические процессы, этнокультурные связи и взаимовлияния, процессы формирования этнических общностей¹². Некоторые авторы в ЭИ включали также вопросы традиционной бытовой культуры: хозяйство, семейные обряды, народные игры и др.¹³

Вероятно, даже этого краткого обзора достаточно, чтобы показать, к какому разнообразию исследовательских тем, включаемых в ЭИ, приводит отсутствие четкого содержания понятия «этническая история». Между тем попытки определить его конкретное содержание предпринимались уже давно и неоднократно.

Видимо, первой по времени формулировкой следует считать предложенную в 1956 г. Л. П. Лашуком. «Проблема этнической истории любого народа,— писал он,— включает довольно широкий круг вопросов, касающихся происхождения и развития этого народа от древних родо-племенных групп до современного этнического состояния, формирования этнической территории, этнических взаимоотношений с соседними народами на протяжении веков»¹⁴. В 1973 г. Ю. В. Бромлей определил свое понимание ЭИ. «Главная задача разработки проблем этнической истории,— подчеркивал он,— исследование всех видов этнических процессов, в том числе этносоциальных»¹⁵. В. Ф. Генинг (1974 г.) относил к ЭИ этногенез и этнические процессы. В частности, сферой «изучения этногенеза» он считал «проблемы развития отдельных народов, состав, происхождение групп, из которых они формировались, степень их этнической консолидации». Общие же закономерности «развития народов (этносов) и характер этнических образований на разных этапах исторического процесса» составляли, как он полагал, сферу исследования этнического процесса¹⁶. В том же году Л. В. Хомич писала, что «этническая история включает такие процессы, как изменение традиционной культуры под влиянием развития производительных сил, дальнейшее приспособление к экологическим условиям, взаимодействие с другими этническими общностями»¹⁷. В 1976 г. З. В. Анчабадзе высказал свою точку зрения по этому вопросу. «Изучение этнической истории...— утверждал он,— предполагает исследование основных этапов

кистана. М.: Наука, 1976; Хомич Л. В. Проблемы этногенеза и этнической истории ненцев. Л.: Наука, 1976; Козлова К. И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978; Гадло А. В. Этническая история Северного Кавказа IV—X вв. Л.: Изд-во ЛГУ, 1979; Джарылгасинова Р. Ш. Этногенез и этническая история корейцев. М.: Наука, 1979.

¹⁰ См., например: Сердобов Н. А. О некоторых вопросах этнической истории народов Южной Сибири. — СЭ, 1970, № 4.

¹¹ См., например, Этническая история народов Урала и Поволжья. Уфа, 1976.

¹² См., например: Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов. Рига, 1980; Викторова Л. Л. Монголы. Происхождение народа и истоки культуры. М.: Наука, 1980; Этническая история народов Восточной и Юго-Восточной Азии в древности и средние века. М.: Наука, 1981; Этническая история народов Севера. М.: Наука, 1982; Вопросы этнической истории Южного Урала. Уфа, 1982; Дмитриева С. И. Народное искусство русских Мезени (В связи с этнической историей края). — СЭ, 1983, № 5; Красновская Н. А. Проблемы этнической истории о. Сардиния в I тысячелетии до н. э. — СЭ, 1983, № 6.

¹³ См., например: Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. [Черкесск], 1980.

¹⁴ Лашук Л. П. Этническая история Печорского края. — КСИЭ, 1956, в. 25, с. 82.

¹⁵ Бромлей Ю. В. Этнос и этнография. М.: Наука, 1973, с. 237.

¹⁶ Генинг В. Ф. Этническая история Южного Прикамья в I тысячелетии н. э.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра истор. наук. М., Ин-т археологии АН СССР, 1974, с. 3.

¹⁷ Хомич Л. В. Соотношение понятий «этногенез» и «этническая история» (на примере формирования ненецкой народности). — Краткое содержание докладов годичной научной сессии Ин-та этнографии АН СССР 1972—1973 гг. Л.: Наука, 1974, с. 63.

развития народа как этнической общности». По его мнению, ЭИ — это развитие этноса «от низших форм этнической общности к высшим»¹⁸. В 1979 г. В. И. Васильев предложил свое понимание ЭИ. Он представляет ее как «процесс исторического развития определенного сформировавшегося этноса»¹⁹. Наконец, последнее по времени на сегодняшний день определение ЭИ принадлежит Н. А. Томилову. «Этническая история, — пишет он, — изучает динамику систем историко-культурных общностей, т. е. формирование компонентов этих систем и их этнических свойств»²⁰.

Каждое из приведенных определений понятия «этническая история» заслуживает внимания специалистов. Можно спорить, какое из них удачнее, строже, логичнее и т. п. Однако все они представляют интерес хотя бы уже потому, что свидетельствуют о постоянном стремлении научной мысли к постижению истины, которое в конце концов приведет к наиболее адекватному отражению в дефиниции соответствующего исследовательского объекта. Начало этому уже положено. Мы видим, что в приведенных определениях есть немало общего, а во многом они дополняют друг друга. Так, все исследователи считают, что, изучая ЭИ, надо непременно учитывать динамику исторического развития этноса от его раннего до современного этнического состояния; ряд авторов признают необходимой частью исследования ЭИ анализ разнообразных изменений этнических признаков объекта, различных видов этнических процессов, а также формирования типов этнических общностей. В основном это, безусловно, те отправные точки, которые должны учитываться при дальнейших попытках разработки понятия «этническая история». Наиболее близко, на мой взгляд, сущность ЭИ отразила формулировка Ю. В. Бромлея. Действительно, главная задача этноисторических исследований видится в изучении динамики всех видов этнических процессов, происходящих в уже сформировавшемся этносе с древнейших эпох до настоящего времени. Однако этнические процессы — это, видимо, лишь одна из задач исследования ЭИ. Другой задачей, органически связанной с первой, следует считать, вероятно, анализ результатов этнических процессов, т. е. изменений характеристик этноса, происходящих под воздействием названных процессов.

Таким образом, в самом общем виде понятие «этническая история» можно сформулировать следующим образом: *ЭИ — это развитие в диахронии всех видов этнических процессов, протекающих в уже сформировавшемся этносе, и изменение под их влиянием основных характеристик этноса.*

Выделение предметной области ЭИ еще не означает, что мы полностью приблизились к ее адекватному пониманию. Этнические процессы проявляются очень широко в самых разных сферах бытовой культуры. Фиксируемые изменения материальной и духовной культуры могут быть в конце концов отражением этнических процессов. Все это подводит к мысли о весьма широком поле работ при изучении ЭИ.

Уже определив предметную зону ЭИ, стоит вернуться к тем исследовательским темам, которые изучались в рамках ЭИ. Мы увидим, что при отмеченной широте ЭИ они все в какой-то мере правомерны. Однако нетрудно заметить, что некоторые темы органичнее укладываются в наше определение ЭИ, ибо наиболее полно и точно отражают сами этнические процессы и характеристики этноса, меняющиеся под их воздействием. Таковы, например, этнонимия, этнические территории, численность и характер расселения этноса, его этнокультурные контакты, этнические процессы (в узком понимании, т. е. консолидация, ассимиляция, интеграция). Данный перечень тем следует, видимо, дополнить

¹⁸ Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа, с. 3, 6.

¹⁹ Васильев В. И. Проблемы формирования самодийских народностей. М.: Наука, 1979, с. 4.

²⁰ Томилов Н. А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины в конце XVI — начале XX в.: Автореф. дис. на соискание уч. ст. д-ра истор. наук. Омск, 1983, с. 16.

еще двумя. Первая из них, до настоящего времени почти не изучавшаяся в этнографической литературе, — это этническое самосознание и этническое самоназвание. Вторая — язык этноса (имеется в виду этнографический аспект его изучения, например многоязычие, роль языка-посредника и межнационального общения и т. п.).

Исследование же в рамках ЭИ таких тем, как традиционная и современная бытовая культура, социально-экономические процессы, формирование государственности, складывание типов этнических общностей и т. д., отражает, с одной стороны, нечеткое понимание границ предметной области ЭИ, а с другой — теснейшую связь этнических процессов с самыми различными сферами культуры и быта этноса. Эти темы не входят в предметную область ЭИ, но в определенных аспектах они также должны исследоваться специалистами по ЭИ. Например, традиционная и современная культура, не будучи объектом изучения ЭИ, представляет один из важнейших источников для ее исследования. Кроме того, культура — это своего рода зеркало, в котором отражаются происходящие в этносе процессы, а результаты последних фиксируются в различных реалиях и явлениях. И в этом аспекте культуру несомненно надо исследовать специалистам по ЭИ. Если какой-нибудь элемент материальной культуры, будь это жилище, транспорт или женские украшения, отражает происходящие этнические процессы, то он должен быть в центре внимания исследователя ЭИ, но только именно с этой точки зрения, а не ради простого описания жилища, транспорта или женских украшений. Видимо, не должны быть предметом специальных исследований в рамках ЭИ также вопросы социально-экономического развития народа, формирования государственности, однако их обязательно надо изучать как важнейшие условия и факторы ЭИ. Естественно, что наряду с ними следует учитывать воздействие других, например природно-географических, условий и факторов. И наконец, вопрос о типах этнических общностей — вопрос, бывший, как известно, в исторической и философской литературе предметом длительных дискуссий, но так и не получивший пока достаточно четкого разрешения. В связи с этим напомним, что задачей изучения ЭИ является рассмотрение в динамике этнических процессов и тех характеристик этноса, которые меняются под их воздействием. Надо, правда, иметь в виду, что этнический процесс в каждый данный момент предстает перед исследователем в виде своего, так сказать, объективированного результата, т. е. этнической общности определенного типа. В таком смысле — и только в таком — в содержание понятия ЭИ могут быть включены и типы этнических общностей.

Один из коренных вопросов, который должен решаться исследователями ЭИ, — это соотношение последней с этногенезом. Вопрос дискуссионный. Ряд авторов трактуют понятие ЭИ весьма широко, включают в него и процессы формирования этнических общностей (этногенез). Вспомним определение, предложенное Л. П. Лашуком. Широкое понимание ЭИ предлагают П. Н. Третьяков, В. В. Пименов, Н. А. Красновская, Б. О. Долгих, В. П. Алексеев, З. В. Анчабадзе, Я. А. Федоров и Г. С. Федоров, Н. А. Томилов и многие другие²¹.

В историко-этнографических трудах имеет место и точка зрения на ЭИ как на часть этногенеза, представляющего, по мысли некоторых исследователей, огромный по временной протяженности период разви-

²¹ См.: Третьяков П. Н. У истоков этнической истории финно-угорских племен. — СЭ, 1961, № 2; Пименов В. В. Велсы. Очерки этнической истории и генезиса культуры. М.-Л.: Наука, 1965; Красновская Н. А. Основные этапы раннего периода этнической истории фриулов. — СЭ, 1969, № 6; Долгих Б. О. Очерки по этнической истории ненцев и энцев. М.: Наука, 1970; Берзина С. Я. Материалы к этнической истории фульбе. — СЭ, 1971, № 4; Алексеев В. П. Происхождение народов Кавказа. М.: Наука, 1974; Анчабадзе З. В. Очерк этнической истории абхазского народа; Федоров Я. А., Федоров Г. С. Ранние тюрки на Северном Кавказе. М.: Изд-во МГУ, 1978; Этническая история восточных романцев. Древность и средние века. М.: Наука, 1979; Томилов Н. А. Указ. раб., с. 18; Этнографические и лингвистические аспекты этнической истории балтских народов.

тия этноса. Такой взгляд отразился в работах соответствующей тематики в период до 1950-х годов, когда термин ЭИ только начинал входить в научный оборот. С. А. Токарев, например, рассматривал этногенез «как перманентный процесс, в ходе которого происходит хотя бы медленное и незаметное, но непрерывное изменение этнического облика данной группы»²². А. Н. Бернштам определял этногенез на примере некоторых тюркских народов Средней Азии как процесс, длившийся с начала III тыс. до н. э. до XIV в.²³ Представление об ЭИ как составной части этногенеза встречается и в публикациях последних лет²⁴.

И наконец, по мнению ряда авторов (Ю. В. Бромлей, Л. В. Хомич, В. И. Васильев)²⁵, ЭИ не включает период этногенеза, следовательно, начальный ее этап наступает лишь с завершением процесса сложения этноса. Думаю, что такой подход более оправдан. Действительно, можно ли говорить об ЭИ конкретного народа, когда самого народа еще нет, а его этническая индивидуальность только формируется? Ведь этногенез — это сложный процесс, в ходе которого в пределах определенной территории в определенных экологических условиях из данной совокупности людей формируется общность, обладающая «не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований»²⁶. Процесс формирования этноса предполагает активное и длительное взаимодействие этнических компонентов, характеризующихся, как правило, разными этнокультурными традициями. Сформировавшийся новый этнос (конечный результат этногенеза) никогда не воспроизводит полностью этнокультурную традицию ни одного из исходных компонентов, принимавших участие в этногенетическом процессе, но являет собой в известном смысле совершенно новое этническое качество. Поэтому можно считать, что только с завершением процесса этногенеза начинается ЭИ народа²⁷.

Отмеченное разделение стадий этногенеза и ЭИ выдвигает вопрос о критериях, которыми должен руководствоваться специалист в практической исследовательской работе при определении соответствующей границы. Но, видимо, следует признать, что точно указать ее едва ли возможно. Переход от еще формирующегося этноса к уже сформировавшемуся лежит в пределах достаточно плавных и постепенных этнических изменений, которые не позволяют со всей очевидностью зафиксировать момент качественного преобразования объекта.

²² Токарев С. А. К постановке проблемы этногенеза. — СЭ, 1949, № 3.

²³ Бернштам А. Н. Древнейшие тюркские элементы в этногенезе Средней Азии. — СЭ, 1947, VI—VII, с. 158.

²⁴ Именно так в монографии Л. Л. Викторовой, посвященной этногенезу монголов, построен раздел «Этническая история» (см. Викторова Л. Л. Указ. раб.).

²⁵ Этой же точки зрения придерживался Л. И. Лавров. «Под этногенезом, — писал он, — имеется в виду не весь длительный процесс постепенного складывания современных народов, а лишь первоначальная его стадия, когда происходило выделение их в самостоятельные этносы» (см. Лавров Л. И. Историко-этнографические очерки Кавказа. Л.: Наука, 1978, с. 33).

²⁶ Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса. М.: Наука, 1983, с. 57—58.

²⁷ Очень важен вопрос о времени возникновения этнических общностей человечества. В. П. Алексеев отодвигает это событие к эпохе нижнего палеолита (см. его статью «О самом раннем этапе расообразования и этногенеза». — В кн.: Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе. М.: Наука, 1982, с. 38). Ю. В. Бромлей, учитывая новейшие археологические данные, более убедительным считает мнение того же автора, высказанное им ранее в работе «Возникновение человека и общества» (в кн.: «Первобытное общество». М.: Наука, 1975, с. 26—35), о весьма неопределенных культурных различиях между соседними стадами архантропов (см. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса, с. 245). С. А. Арутюнов относит процесс возникновения этносов к рубежу верхнего палеолита и мезолита (см. его статью «Этнические общности доклассовой эпохи». — Этнос в доклассовом и раннеклассовом обществе, с. 56, 58). В. А. Шнирельман, исследуя этническую ситуацию в донеолитическое время, предполагает, что существовавшие тогда племена еще не обладали в достаточной мере четко выраженными этническими признаками, однако представляли своеобразную этническую категорию, которую он предлагает назвать «протоэтнос». См. его статью «Протоэтнос охотников и собирателей (По австралийским материалам)». — Там же, с. 99, 104).

Тем не менее попытки найти его предпринимаются. Недавно формальной точкой отсчета было предложено считать возникновение у этнической общности отчетливого самосознания, которое находит выражение в общем самоназвании²⁸. Предложение, безусловно, заслуживающее внимания. Действительно, появление указанных категорий явно свидетельствует о том, что данная совокупность людей ощущает свою этнокультурную индивидуальность, отделяет себя от других подобных образований. Однако здесь есть определенная трудность. Дело в том, что этнонимов гораздо больше, чем этносов. Собственным этнонимом и даже самосознанием могут обладать этнические общности разных иерархических ступеней, стоящие как выше (метаэтнические общности), так и ниже этноса (субэтнические общности, этнографические группы). Для этнической группы русских — донских казаков, например, — было характерно особое самосознание и самоназвание (казак, донец и т. д.), что позволяло им этнически отделять себя от русского этноса, хотя от этого они не переставали быть его частью. Поэтому появление у общности людей самосознания и самоназвания не всегда может означать, что данная общность начинает функционировать в качестве этноса. И все же критерий, предложенный авторами труда по ЭИ китайцев, на мой взгляд, может быть использован для разделения стадий этногенеза и ЭИ. Последняя продолжается до тех пор, пока существует этнос. Исчезновение же по тем или иным причинам физических носителей определенной этнокультурной традиции знаменует и завершение ЭИ данного народа.

Как говорилось выше, одна из важнейших задач, стоящих перед исследователями, — создание обоснованной периодизации ЭИ. Представляется, что эта периодизация должна быть как общей, так и частной. Общая периодизация ЭИ народов мира, по сути дела, уже создана. Она основывается на учении классиков марксизма-ленинизма об общественно-экономических формациях и исторических типах общности людей, сопряженных с различными формационными уровнями. Другое дело, что триада племя — народность — нация не во всем учитывает многообразие исторических типов этнических общностей и дальнейшими исследованиями будет, видимо, дополнена. Но это не поколеблет положения о том, что социально-экономические условия придают определенную специфику всем без исключения этническим параметрам (интенсивность и характер этнических процессов, особенности этнического самосознания и т. д.). Следовательно, формационный критерий можно использовать в качестве схемы для общей периодизации ЭИ народов мира.

Однако ЭИ каждого народа индивидуальна, как индивидуален его язык, особенности культуры, черты психического склада. Необходима частная периодизация ЭИ каждого этноса. Причем априори можно сказать, что она будет учитывать основные вехи, намеченные общей периодизацией, но внутреннее ее членение будет более дробным в зависимости от специфики исторического развития того или иного народа.

Имеющиеся к настоящему времени примеры частных периодизаций нельзя признать вполне удачными. Как правило, их авторы механически используют общую периодизацию исторического процесса, укладывая в нее подчас формально, исключительно по хронологии, факты ЭИ. Последняя в результате оказывается с теми или иными вариациями члененной на периоды: древнейший (эпоха камня, меди, бронзы), античный (VII в. до н. э. — IV в. н. э.), раннее (V—XII вв.) и позднее (XIII—XVII вв.) средневековье, новое (XVIII—XIX вв.) и новейшее (XX в.) время²⁹.

Однако есть более плодотворные подходы к созданию частных периодизаций ЭИ. Так, авторы труда по ЭИ китайцев (М. В. Крюков,

²⁸ Крюков М. В., Софронов М. В., Чебоксаров Н. Н. Древние китайцы: проблемы этногенеза. М.: Наука, 1978, с. 291.

²⁹ См., например, Алексеева Е. П. Древняя и средневековая история Карачаево-Черкесии. М.: Наука, 1971.

В. В. Малявин, М. В. Софронов) высказывают правильное и очень важное, на мой взгляд, положение: «Ни выделение больших чисто хронологических эпох мировой истории, ни периодизация социально-экономического развития Китая не могут дать ответ на вопрос о том, через какие качественно отличные друг от друга этапы прошла в процессе своей трансформации этническая общность китайцев. Периодизация этнической истории должна основываться на *специфических критериях, отражающих качественные изменения основных характеристик этноса* (курсив мой.— Н. В.)»³⁰. Они предложили выделить в этническом развитии китайцев своего рода «критические точки», важнейшей из которых следует, видимо, считать завершение в основном формирования этнического самосознания, что накладывает качественно новый отпечаток на всю дальнейшую динамику этнических процессов. Такие «критические точки», по их мнению, и должны служить основой для периодизации ЭИ китайцев. Высказанное положение, безусловно, заслуживает внимания и может быть учтено специалистами при исследовании ЭИ конкретного народа.

Кстати, необходимость нового подхода к периодизации ЭИ осознавалась уже давно. Предпринимались и удачные попытки в этом направлении. Так, Р. Г. Кузеев, Т. М. Гарипов, В. А. Иванов, Н. Н. Моисеев выделили в ЭИ населения Волго-Уральской историко-этнографической области пять крупных этапов: 1) IV—III тыс. до н. э.; 2) II тыс. до н. э.—середина I тыс. н. э.; 3) вторая половина I тыс. н. э.—XIII в. (до начала монгольского нашествия); 4) XIII—XVI вв.; 5) XVI—XIX вв. В основу подобного деления были положены в основном факторы этнокультурного порядка (этнические и миграционные процессы, исторические контакты и т. д.), рассматриваемые в тесной связи и на фоне социально-экономических и политических условий жизни населения Волго-Уральской историко-этнографической области³¹.

Действительно, при разработке периодизации ЭИ конкретного народа мы должны исходить из особенностей его этнического развития, представляющего, как и вся его история, сложный и не прямолинейный процесс, в котором под влиянием различных условий и факторов сменяются периоды подъема, спада, зстоя и даже регресса. В такие периоды и происходят наиболее активные изменения этнических характеристик этноса.

* * *

Предпринятый обзор показал немалые сдвиги в изучении ЭИ — этой сложнейшей этнографической проблемы. На протяжении длительного времени исследователями формировался, подчас интуитивно, комплекс тем, составивших к настоящему времени предметную область ЭИ. Осознание этих исследовательских тем как составных частей единой проблемы происходило, думаю, не случайно, ибо изучение в динамике именно такого их комплекса наиболее полно характеризует особенности этнического развития народа. Однако в данной статье рассмотрен далеко не полный перечень связанных с ЭИ вопросов. Многое осталось вне рамок этой работы и требует изучения как в общетеоретическом, так и в конкретно-региональном плане. По-прежнему одна из главных задач видится в расширении источниковедческой базы исследований ЭИ, в дальнейшем накоплении в разных областях исторической науки необходимых материалов и их критического осмысления. И ныне столь же актуальным остается призыв к кооперации в этноисторических исследованиях специалистов разного профиля — историков, этнографов, лингвистов, фольклористов, археологов, антропологов, — призыв, неоднократно повторяемый, но далеко не всегда осуществляемый на прак-

³⁰ Крюков М. В., Малявин В. В., Софронов М. В. Китайский этнос в средние века (VII—XIII). М.: Наука, 1984, с. 6.

³¹ Кузеев Р. Г., Гарипов Т. М., Иванов В. А., Моисеев Н. Н. Об истории этнокультурных контактов индоевропейских, уральских и алтайских народов в Урало-Поволжье. — Вопросы этнической истории Урала. Уфа, 1982, с. 5.

тике. Видимо, все более назревает необходимость четкой координации работ по ЭИ, возможной лишь с созданием научно-организационного центра, который объединил бы творческие усилия исследователей этой проблемы.

С. В. Соколовский

РОЛЬ ДАННЫХ ОНОМАСТИКИ В ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Антропологи, археологи и этнографы при решении ряда конкретных проблем этногенеза и этнического состава территорий в древности неоднократно обращались к материалам ономастики (М. А. Кастрен, В. В. Радлов, А. П. Окладников, П. Н. Третьяков, Л. Згуста, С. А. Токарев, Г. А. Капанцян и др.). При этом они опирались на такие хорошо известные специалистам свойства ономастикона, как устойчивость, традиционность, способность отражать особенности географической среды, хозяйства, отношений с другими народами. Свойство же онимов отражать «биологическую природу человека, его антропологические особенности»¹, в том числе не только «пигментацию кожи, глаз, волос»², но и целый ряд характеристик исторических популяций, пока не привлекло внимания антропологов в той мере, в какой оно того заслуживает. Между тем развитие в антропологии системных представлений, выразившихся в популяционной концепции расы и хранящаяся в ономастиконе информация о структурах и ареалах исторических популяций делают обращение антропологов к результатам ономастических исследований не только полезным, но и необходимым.

В исторической ономастике разработан целый комплекс методов, гарантирующих известную степень надежности этноисторических реконструкций. В их числе метод формантов³, разработка теории топонимической системы и топонимического ландшафта⁴, метод картографирования⁵, методика анализа субстратных топонимов и проблемы их стратиграфии⁶. Эти строго научные методы, основанные на анализе массового топонимического и антропонимического материалов, однако, не ориентированы на решение собственно антропологических проблем (например, на исследование межэтнических отношений в зоне формирования так называемых контактных рас, где вопрос о характере этнических границ может быть принципиальным). Подобные специальные аспекты ускользают от внимания лингвистов и географов, что заставляет представителей других наук обращаться к самостоятельному анализу ономастикона изучаемого народа. Вторжение на «чужое поле», где гос-

¹ Суперанская А. В. Имя и эпоха (К постановке проблемы). — В кн.: Историческая ономастика. М.: Наука, 1977, с. 7.

² Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. — М.: Наука, 1973, с. 38—39.

³ Ср. многочисленные работы В. А. Никонова для территорий Поволжья и Украины, А. К. Матвеева для европейского и сибирского Севера, А. П. Дульзона для Западной Сибири и др., а также сб. «Развитие методов топонимических исследований» (М.: Наука, 1970).

⁴ Ср.: Никонов В. А. Закон ряда в географических названиях. — *Onomastica*, 1958, № 6, с. 57—73; Жучкевич В. А. Принципы использования топонимии при историко-географических разысканиях. — В кн.: Питання сучасної ономастики. Київ: Наук. думка, 1976, с. 59—63; Карпенко Ю. А. Признаки молодости топонимической системы. — В кн.: Перспективы развития славянской ономастики. М.: Наука, 1980, с. 48—57; его же. Разноязычная топонимия и границы топонимической системы. — In: Beiträge zur Theorie und Geschichte der Eigennamen (Linguistische Studien, 30). В. 1976, S. 83—93.

⁵ Любимова Е. Л. Картографический метод в топонимике. — В кн.: Топонимика. вып. 4. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1970, с. 8—9; Топонимика и историческая география. М.: Моск. фил. Геогр. о-ва СССР, 1976.

⁶ Rospond S. Stratigrafia słowiańskich nazw miejscowych. Wrocław, 1974 — t. 1; 1976 — t. 2.